

К ВОПРОСУ ПОНИМАНИЯ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ*

Автор: Баграт Арутюнян

Многочисленные трансформации общественно-политической сферы Армении и, в частности, отказ от запрета на затрагивание проблем указывающих на несовершенство общественных отношений и управленческого аппарата, создали благоприятную почву для возникновения и развития научного интереса к многогранному социальному феномену – коррупции. Кроме частного интереса ученых-обществоведов, проблема понимания, а также, борьбы с коррупцией заняла одно из центральных мест в государственной политике правительства Республики Армения [Цахикян, 2002; Программа антикоррупционной стратегии РА: 100 вопросов и ответов, 2004; Что есть антикоррупционная стратегия, 2004, Саакян, 2004; Овсепян, 2003 и др.].

Почти все аналитические труды, в рамках которых были предприняты попытки определить сложный, многогранный социальный феномен - коррупцию, указывают на то, что нет единого, универсального определения коррупции [Philp, 2002, 41-57; Johnston, 1996, 321 – 335; Gardiner, 1996, 21 – 38; Быстрова, 2000]. На уровень сложности и вечной общественной актуальности исследуемого феномена указывает то, что первые попытки определения данного феномена были сделаны еще Платоном и Аристотелем [Шабалин, 1994 № 4].

Существует несколько объяснений подобному положению. Так Джон Гардинер видит три основные причины: различные правовые системы по разному определяют коррупцию; в различных странах коррупции приписывается различная степень опасности, существует значительное различие между общественным мнением относительно коррупции и правовыми нормами [Gardiner 1993: 33 – 35]. Кроме этого, данное положение можно объяснить и тем, что исследование коррупционного поведения всегда велось с двух основных точек зрения: правовой и экономической. Очевидно, что социологические аспекты, в широком смысле этого понятия, данного феномена остались недостаточно освещены. По нашему мнению, именно это является одной из причин узости понимания коррупции.

Все это указывает на то, что существует необходимость применения иных, отличных от правовых и экономических взглядов, подходов к определению коррупции, которые послужат для понимания и переосмысления этого феномена общественной жизни.

Рассмотрим наиболее значимые подходы к определению коррупции.

Термин "коррупция" не является юридическим, тем более уголовно-правовым, поэтому его правовое определение представляет определенную

* Статья подготовлена в рамках гранта номер C05-7107 предоставленного Кавказским Центром Исследовательских Ресурсов (Программа Фонда Евразия основанного Корпорацией Карнеги Нью Йорк)

трудность. Этимология термина "коррупция" восходит к сочетанию латинских слов "congei" - несколько участников в одной из сторон обязательственного отношения по поводу единственного предмета и "rumpere" - ломать, повреждать, нарушать, отменять. В результате образовался самостоятельный термин, который предполагал участие в деятельности нескольких (не менее двух) лиц, целью которых является "порча", "повреждение" нормального процесса управления делами общества. В римском праве этим термином обозначалась деятельность нескольких лиц, направленная на нарушение нормального хода судебного процесса или управления обществом.

"Хотя понятие коррупции, - говорится в Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом Генеральной Ассамблеей ООН 17 декабря 1978 года, - должно определяться национальным правом, следует понимать, что оно охватывает совершение или не совершение какого-либо действия при исполнении обязанностей в результате требуемых или принятых подарков, обещаний, стимулов или их незаконное получение всякий раз, когда имеет место такое действие или бездействие". Н.Ф. Кузнецова определяет коррупцию как социально негативное явление, выражающееся в подкупе одних лиц другими. Такого же мнения придерживается и А.И. Долгова, которая сводит коррупцию к подкупу - продажности государственных или иных служащих и на этой основе корыстному использованию ими в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей [Долгова, 1997, 501]. Это означает, что понятие коррупции сводится к взяточничеству.

Другие определяют коррупцию как разложение, гниение, порчу управленческого аппарата, основанное на использовании чиновником своего служебного положения в корыстных целях [Мишин, 1991, 22; Панкратов, 1997, 270; Гальперин, 1989, 34; Борзенков, 1993, 30]. При этом они отталкиваются от латинского "cor" (корпус, тело), определяя тем самым коррупцию в точном переводе с латинского как "разложение тела", процесс загнивания и гниения. "Коррупция, - отмечает Б.В. Волженкин, - это социальное явление, заключающееся в разложении власти, когда государственные (муниципальные) служащие и иные лица, уполномоченные на выполнение государственных функций, используют свое служебное положение, статус и авторитет занимаемой должности в корыстных целях для личного обогащения или в групповых интересах" [Волженкин.1998. 8]. Из данного определения следует, что коррупция выходит за пределы взяточничества и представляет собой любое злоупотребление государственной властью в корыстных целях.

Анализ правовой системы Республики Армения и тех исследований коррупции, которые проведены в рамках правового контекста становится очевидно, что существенных отличий между приведенным выше определением коррупции и современной армянской реальности нет¹.

Таким образом, в юридической литературе наметились две основные точки зрения в отношении понимания коррупции: коррупция в узком смысле

¹ Наиболее показательным является решение Правительства РА от 06.11.2003г. номер 1522-Н "О утверждении антикоррупционной стратегии и мероприятий по ее осуществлению".

(взяточничество) и коррупция в широком смысле (любое корыстное злоупотребление государственной или муниципальной властью).

Прежде чем выделить юридическое определение “коррупции”, обозначим основные признаки, характерные для этого явления, что представляется теоретически достаточно существенным:

1. Сферой существования коррупции являются органы государственной власти и органы местного самоуправления. Некоторые авторы расширяют эту сферу, добавляя сюда коммерческие и иные организации [Кузнецова. 1993. 21].

2. Субъектами коррупционных деяний являются должностные лица, а также государственные и муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами. Если в отношении должностных лиц как субъектов коррупционных деяний в литературе сложилось единое мнение, то вопрос о принадлежности служащих к данной категории лиц является дискуссионным. Так, в частности, В.С. Комиссаров считает неприемлемым трактовку субъекта коррупции как государственного служащего, что, по его мнению, вызвано следующими соображениями. Во-первых, это будет означать значительное расширение круга лиц, подлежащих уголовной ответственности, что не в полной мере согласуется с тенденциями развития уголовной политики. Во-вторых, это неверно по существу, ибо сущность коррупции заключается в злоупотреблении лиц властными полномочиями по мотивам корыстной или иной личной заинтересованности. Поскольку у государственных служащих, не являющихся должностными лицами, нет властных полномочий, то, по мнению В.С. Комиссарова, они не могут совершить коррупционные деяния, а могут быть только соучастниками коррупционных преступлений [Комиссаров. 1993. 29.]. Н.Ф. Кузнецова считает криминологически необоснованным распространение на государственных служащих, не являющихся должностными лицами, уголовной ответственности за коррупционные преступления. Общественная опасность таких лиц, по ее мнению, не достигает криминальной степени антисоциальности [Кузнецова. 1993. 22]. Такого же мнения придерживается и ряд других авторов.

3. Деятельность противоречит государственным и общественным интересам и характеризуется корыстной или иной личной заинтересованностью. Таким образом, коррупция связана не только с корыстью (хотя корыстный мотив проявляется здесь наиболее ярко), но и иной личной заинтересованностью (протекционизм, кумовство, стремление угодить вышестоящему начальнику и т.д.).

4. В результате коррупционных деяний существенно нарушаются правоохраняемые интересы личности, интересы общества и государства. Именно по данному признаку проводится отличие коррупционных преступлений от незначительных актов коррупции, влекущих административную, дисциплинарную, гражданско-правовую ответственность.

В юридической литературе существует точка зрения, согласно которой коррупцией считается только систематическое совершение соответствующих деяний [Панченко, 1995, 136].

Итак, в рамках правового подхода коррупцию определяют следующим образом.

Коррупция - использование должностным лицом, а также государственным или муниципальным служащим, не являющимся должностным

лицом, своего служебного положения из корыстной или иной личной заинтересованности, причинившее существенный вред правам и законным интересам личности, интересам общества и государства либо создавшее угрозу причинения такого вреда.

Экономическая наука занялась исследованием феномена коррупции, как такового, с работы Роз-Аккерман [Rose-Ackerman, 1975], в которой *коррупция рассматривалась как экономическое поведение в условиях риска, связанного со совершением преступления и возможным наказанием за него*. Основополагающей, по экономическому подходу к преступлению и наказанию, является работа Г. Бекера [Becker, 1968]. В работах лежащих в данном ключе затрагивались такие вопросы как “что такое “коррупция””, “почему она возникает и существует, “способы борьбы с коррупцией”, “экономическая роль и влияние (потери и прибыль) коррупции”, “динамика развития коррупции”. В большинстве работ, которые лежат в экономическом ключе, предлагаются математические модели, описывающие функционирование коррупции. В специальной литературе на настоящий момент существует большое число математических моделей коррупции. В рамках этих моделей изучаются самые разные вопросы, связанные с коррупцией, однако, под разными углами зрения, а отправной точкой зрения является вышеприведенное определение феномена. Во-первых, условно можно выделить математические модели двух направлений - изучение актов внешней коррупции, и коррумпирование организации изнутри. Здесь можно довольно четко проследить границу исследований. Третье направление касается исследования таких наблюдаемых явлений, как неединственность равновесных коррупционных состояний, цикличность возникновения и т.п. Кроме того, существуют работы, в которых изучается влияние коррупции в некоторых частных специальных ситуациях.

1. Анализ может быть направлен на отношения «исполнитель-клиент», т.е. на игру между ними. Очевидно, что такой анализ касается проблемы внешней коррупции. Сюда включается проблема взаимовлияния конкуренции и коррупции, проблема неправильного распределения ресурсов, а также вопрос о влиянии хозяина (например, государственной политики в случае, когда хозяином является государство) на равновесное состояние игры.

2. Анализ может быть сосредоточен на проблеме «хозяин-исполнитель», включая создание «единой структуры управления», которая подразумевает разработку стимулов, информационной системы, правил принятия решений, иерархической структуры и контроля. Отметим, что хотя в выделенном нами первом направлении также рассматриваются меры контроля и влияния на исполнителя со стороны хозяина, - в работах данного направления такой акцент обозначен сильнее - хозяин назначает правила игры не для одного, а для группы, организованной в виде иерархии исполнителей. Сюда относится проблема ликвидации внутренней коррупции в иерархической организации, которую хозяин либо хочет оптимизировать, если его цель - максимизация прибыли, либо свести к нулевому уровню, которого стремится достигнуть, например, обобщенный хозяин - государство.

3. Анализ может быть сосредоточен на изучении переходных процессов в коррумпированной системе, ее стационарных состояний, их устойчивости, а также на таких явлениях, как цикличность и реакции на внешние шоки, например, на антикоррупционные кампании. Модели, включаемые нами в это направление, являются динамическими (однако заметим, что этот признак не является определяющим - динамические модели рассматриваются в работах других направлений) и могут быть и "микро"- и "макро"- экономическими.

Модель Ф. Т. Луи иллюстрирует ситуации, в которых экономики с одинаковыми параметрами находятся на разных уровнях коррупции. В работе Дж. Фейхтингер и Ф. Уирла моделируется на макроэкономическом уровне феномен циклической политической коррупции - смены фаз борьбы против коррупции периодами ее молчаливого поощрения. Дж. Тиролем была проанализирована значимость коллективной репутации и ее исторического аспекта. В работе К. Биччиери и К. Ровелли показано, как эволюция коррупции в экономике может самопроизвольно привести к взрыву - «революции честности», в результате которой система переходит в новое состояние.

4. Отметим также работы, в которых исследуются некоторые специфические вопросы, касающиеся коррупции. Моделированию политико-экономической коррупции также посвящены также работы Л. Дадлей и К. Монтмаркетти, в которой рассматриваются различные типы фискальных систем, Э. Расмусена и Дж.М. Рамсейера, А. Шлейфера и Р.У. Вишни.

Обобщая попытки ученых разрабатывающих понятие коррупции в рамках экономической теории, можно определить коррупцию следующим образом:

Коррупция является продажей государственными служащими государственной собственности в частных целях, что является не просто функцией суммы ресурсов, потраченных на надзор и преследование, а функцией от структуры отношений между государством и частным сектором.

Антикоррупционная стратегия, принятая правительством РА, составлена с учетом понимания субъекта коррупционного поведения формируемого как человека “экономически рационального” и “нормативно регулируемого²” [Правительство РА, решение № 1522-Н]. Данный портрет реконструирован на основе причин, которые судя по источнику, являются основными источниками коррупционного поведения.

Выход за достаточно узкие границы рассмотренные выше и применение идей развитых в рамках различных социологических теорий, способствует преодолению узкого юридического и экономического подхода к ее изучению.

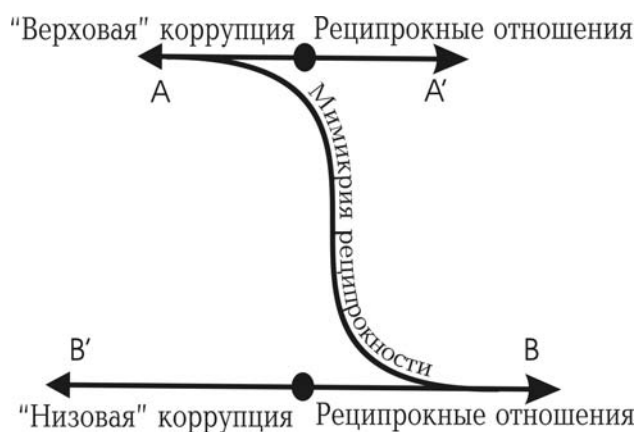
В социологии проблемы коррупции рассматривали Р. Мертон, Г. Блумер, Г. Зимель и другие, которые рассматривают коррупцию в рамках феномена отклоняющегося поведения.

Однако наиболее эффективным видится приложение идей К. Полањи к данной проблематике [Полањи, 2000].

Рассмотрение коррупционного поведения в рамках концепции К. Полањи плодотворно для понимания данного феномена ее институционализации в армянской действительности.

² в данном случае речь идет лишь формальных правовых актах принятых соответствующим законодательным органом, одновременно исключая так называемые неписанные законы.

Коррупционные отношения могут сложиться как между акторами имеющими одинаковый (или не значительно отличающийся статус, который принципиально предполагает возможность симметричных отношений) так и различный статусы. Условно обозначим акторов А и В, предварительно оговорив, что как А так и В, в рамках определенных теоретических подходов, рассматриваться как единичными так и коллективными акторами³.

К. Поланьи, выделил реципрокность как особый принцип хозяйственной организации и социальной интеграции общества (выделено автором – Б.А.) и описал соответствующую институциональную модель – наличие симметричных групп. Реципрокность это не что иное, как обмен дарами на нерыночной основе. В данном месте уместно процитировать К. Поланьи - “если раньше экономическая система была укоренена в социальных отношениях, то теперь социальные отношения оказались укоренены в экономической системе” [Поланьи, 1999а, с.510]. К. Поланьи утверждает, что «чем более близкими друг другу чувствуют себя (а также хотят подчеркнуть близость, т.е. уместность и приемлемость неформальных отношений – Б.А.) члены крупного сообщества, тем более они будут склонны переводить на реципрокную основу конкретные отношения...».

Ошибочно думать, что реципрокность - архаична. Реципрокность доминирует каждый раз, когда мотив прибыли или концентрация ресурсов в центре утрачивает актуальность. Отсутствие “вознаграждения” или “компенсации” весьма обманчиво, так как инициатор дарения имеет определенное ожидание встречной помощи, хотя сроки ответного поведения, как правило, не оговариваются, а форма – в большинстве случаев произвольна.

При всей «нерыночности» реципрокных взаимодействий было бы чрезмерно отрицать незримую калькуляцию сетевых трансфертов, учет отданного и полученного. Такая калькуляция, безусловно, существенно отличается от рыночной, поскольку учитывает обстоятельства жизни и социально-демографические характеристики обменивающихся. Но сам факт взаиморасчетов, пусть и использующих «нерыночные» поправочные коэффициенты, говорит о том, что реципрокность, являясь своеобразной антитезой рынка, не переходит в разряд

³ В зависимости от типа акторов выделяется индивидуальная и коллективная коррупция. Тип актора определяется на основе распределения результатов коррупционного поведения.

альтруизма. Реципрокный обмен мотивирован комбинацией двух противоположных принципов: альтруизма и рынка, поскольку, с одной стороны, не предполагает выгоду, а с другой стороны, пытается соблюсти некоторый баланс интересов. «Реципрокность фиксируется в том случае, когда можно утверждать, что ни принцип максимизации прибыли, ни альтруизм не были исключительными стимулами» [Sik, 1985, p.184].

Возвращаясь к агентам с одинаковыми либо не значимо отличающимися статусами, можно утверждать, что существование коррупционного поведения в подавляющем большинстве своих проявлений не возможно без реципрокных отношений ни в “верховых” ни в “низовых” взаимодействиях. Данное утверждение основывается на тех функциях которые несет в себе подобный обмен. Общее знание, основанное на социализации позволяет в качестве основных функций дарения выделить следующие:

- создание системы неформального кредитования,
- установление стабильных неформальных отношений и контактов, как равноправных, так и доминантных,
- подтверждение социального статуса,
- трансляция этических ценностей и традиций.

В отличие от товарного обмена реципрокность предполагает контакт лично знакомых субъектов. Продажа товара возможна как одноразовая сделка незнакомых партнеров, но обмен дарами предполагает стабильность контактов. Товарный обмен - воплощение абстрактности отношений, их универсальности, тогда как обмен дарами – это всегда конкретные отношения, предполагающие партикуляризм их реализации. Обезличенной одноразовой сделке «купил-продал» противостоит стабильность отношений «отдал-получил». Данная стабильность в рамках коррупционных отношений достаточна значима не только с позиций обеспечения безопасности, но и с позиций избежание ярлыка, который условно можно назвать “продажной шкурой”. Эксплуатация этого знания, частично объясняет важность наличия посредника в коррупционных отношениях.

Деньги присутствуют и в реципрокности, и в товарном обмене. Но реципрокность, не претендующая на стоимостной эквивалент обмена, использует деньги в качестве предмета дара или заемного средства, а не расчетного инструмента. Денежные дары являются индикатором близости акторов, поскольку деньги опосредуют обмен между системами, тогда как внутри систем деньги превращаются в дар. Фактически денежная оплата товаров и услуг фиксирует границу, за которой заканчивается мир наиболее близких отношений привязанности. Реципрокность отказывает деньгам в опосредующей роли, выполняемой при товарном обмене, и превращает их в дар, возможный и допустимый только в отношении наиболее близких людей. Таким образом обеспечивается избегания приклеивания ярлыка. Даже в таких случаях, когда коррупционные отношения проявляются в ситуации с измеряемыми услугами (напр. одобрение проекта на финансирование) плата за предоставленную услугу называется “маленьким подарком”. Дуальность реципрокного обмена более ярко проявляется во всяческом избегании демонстрации отношений “купил-продажи”. Основными механизмами являются наложение табу на парадигматику слов связанных с платой, ценой, стоимостью и т.д. В качестве символических

заместителей используются иностранные слова содержание которых понимается достаточно условно (например – оверхед /overhead/) тем, самым слова теряя значения становятся чистыми знаками. Другим механизмом является ссылка на собственное предпочтение т.е. культурную норму.

Реципрокность накладывает на участников сети неформальные обязательства «платить по счетам». Плата может быть самой разнообразной, вплоть до почтительного отношения к дарителю. Условия «сделки» нигде не оговариваются, но однозначно понимаются, поскольку участники реципрокных отношений умеют декодировать смысл даров, не выходя за допустимый диапазон просьб и выдавать ожидаемые реакции на призыв о помощи. Если рыночный обмен предполагает ясную договоренность сторон, то отношения реципрокности основываются на догадливости в рамках культурного контекста.

Реципрокность и товарный обмен строятся на принципиально различном отношении к понятию «риск». Дары делают жизненное пространство индивида менее рискованным, тогда как товарный обмен предполагает риск как элемент конкурентной среды.

Обязательства сторон сделки могут нарушаться как при реципрокных отношениях, так и при рыночном обмене. Нарушителей рыночной дисциплины называют необязательным, а игнорирующих нормы реципрокности неблагодарными. Но механизм страхования от подобных ситуаций принципиально различен. Рыночные сделки страхуются формальными санкциями или неформальными силовыми методами. Нарушение неписаных норм поведения в экономике дара карается лишением доверия, что означает исключение провинившегося из сети реципрокных взаимодействий. Стимулом участия в дарообмене становится обретение репутации как формы социального капитала. Принуждение к исполнению обязательств реципрокности строится на угрозе социальной изоляции или исключении, а при товарном обмене – на материальных и зачастую формальных санкциях.

Значимость дара определяется его субъективной ценностью для одариваемого. Она не зависит напрямую от рыночной стоимости предмета дара, а сводится к представлениям о полезности полученного блага. Эквивалентный обмен товарными стоимостями замещается паритетным обменом ценностями, или представлениями о полезности даров.

В обмене дарами люди первичны, а дары – вторичны, поскольку дарообмен зависит от отношений обменивающихся, возникающих между ними коллизиях, соотношения их статусов, социально-демографических характеристик и пр. В товарном обмене, наоборот, обмениваемые блага задают отношения обменивающихся, то есть вещи доминируют над людьми. Реципрокные отношения удерживают в фокусе обменивающихся, а рыночные отношения – обмениваемое.

Реципрокность предполагает рутинизацию и ритуализацию дарообмена. На уровне традиций прописаны формы благодарности и диапазон допустимых просьб. Следование традициям – самый верный путь укрепления положения участника экономики дара. Экономика дара нацелена на стабильность, часто ценой сокращения среднего дохода ее участников, а товарный обмен предполагает инновационный прорыв как попытку наиболее предприимчивых максимизировать

прибыль. Данная стабильность трансформирует коррупционное поведение из сферы единичного акта, в повседневную практику.

В реципрокных отношениях обмен выполняет роль символа «доброй воли» и намерения упрочить отношения, то есть служит формой поддержания социальной включенности. Товарный же обмен основан на экономической целесообразности, в нем превалирует идея продуктовой оптимизации. Дарообмен – инструмент приращения социального капитала, а товарообмен – экономического.

При рассмотрении отношений между А и В т.е. актерами с значительно различающимися социальными статусами коррупционные отношения лишь сохраняют форму реципрокности. Под данной мимикрией на самом деле скрываются отношения, которые принято обозначать как патрон-клиентские⁴.

Далеко не очевидно, чем отличается подарок соседу от подарка начальнику, но интуитивно все ощущают эти различия. Зависимое положение подчиненных придает такому дару принципиально новые характеристики, позволяющие маркировать его как дань. Не случайно В.Ильин вводит понятие «псевдоподарок» как промежуточную точку континуума, полюсами которого являются товар и дар [Ильин, 2001]. Тем самым подчеркивается возможность облекать в форму подарка иные социально-экономические отношения.

Участники взаимодействий вовлечены в своеобразную «диалектику контроля»: зависимая сторона обладает определенными ресурсами, посредством которых подчиненные могут влиять на действия подчиняющих. При этом контроль со стороны подчиненного актора осуществляется иным типом ресурсов, отличным от того, который используется для осуществления доминирования в отношении него. Клиентелистские сети пронизывают распределительные механизмы широкого профиля - от распределения материальных благ, рабочих мест, земли до распределения разрешений на деятельность, меры ответственности и наказаний, поощрений и привилегий.

Иерархия создает систему зависимости элементов на основе неравного доступа к ресурсам организации. Ресурсная зависимость и есть скрытая пружина принуждения, которое принимает видимость добровольных жестов. Внешне добровольный обмен иерархично организованных субъектов не порождает отношения реципрокности, а обмениваемые ресурсы не превращаются в дары. Скорее, происходит мимикрия под отношения реципрокности за счет соблюдения внешних атрибутов одаривания. На деле же ресурсы курсируют в форме дани, которую «патрон» собирает со свои «клиентов», отвечая более полным учетом их интересов в ходе распределения курируемых им ресурсов. Не случайно К. Поланьи выделял симметрию как структуру, адекватную реципрокности. «Поланьи утверждает, что существуют три базовых способа распределения ресурсов: обмен, перераспределение и реципрокность. Для широкомасштабного воспроизведения каждой из этих форм необходимы соответствующие структуры: рынок, централизм и симметрия». Симметричность сети делает принципиально возможным чередование ролей донора и реципиента в отличие от жестко закрепленных ролей патрона и клиента в несимметричных, иерархических структурах.

⁴ Патрон-клиентскими отношениям является устойчивая система отношений субъектов, обладающих дифференцированной ресурсной обеспеченностью в результате принадлежности к разным уровням объединяющей их иерархии.

Отличия реципрокности от патрон-клиентизма сводятся, таким образом, к следующему:

Элемент принуждения присутствует и в реципрокном обмене, и в патрон-клиентистских отношениях. Но речь идет о разной природе принуждения. Реципрокность строится на подчинении людей социальным нормам, усвоенным в ходе социализации, и в этом смысле принуждение едва ли рефлексивируется. Отношения же патрона и клиента не добровольны в результате их иерархической диспозиции, отмеряющей степень зависимости субъектов и диапазон пригодных к обмену благ. Принуждение в этом случае носит управленческо-организационную природу и прекрасно осознается участниками сети. Дары, порожденные социальными нормами, противостоят дани, порожденной организационной иерархией.

В реципрокных отношениях велика мера неопределенности формы даров и времени ответных действий. И даже несвоевременные и не востребуемые подарки принимаются с благодарностью в силу выполняемой ими символической функции. Патрон-клиентские отношения более нормированы. Форма и сроки взаимных услуг патрона и клиента если и не оговариваются, то четко осознаются. Неопределенности форм и сроков реципрокных взаимодействий противостоит прогнозируемость контактов клиентелистских сетей.

Реципрокность укоренена в неформальных нормах и обязательствах, которые слабо связаны с формальными институтами. Патрон-клиентские отношения, напротив, существуют как неформальная коррекция формальных правил и испытывают от них сильную зависимость.

Реципрокный обмен демонстрирует высокую автономность от реформирования формальных институтов, поскольку укоренен в реальности другого порядка. Патрон-клиентизм, наоборот, крайне чувствителен к переопределению формальных рамок, поскольку за этим стоят изменения принципов иерархии, критериев доступа к ресурсам и объема распределительных полномочий. Сети реципрокной поддержки более инерционны и менее зависимы от изменений формального порядка, чем патрон-клиентские отношения.

Реципрокные отношения глубоко персонифицированы, обмен дарами строится на лично окрашенных отношениях дружбы, родства, соседства. Напротив, отношения патрона и клиента представляют собой неформальные договоренности в рамках выполняемых индивидами функциональных ролей. Возможность сбора дани зависит от диапазона функциональных возможностей патрона, а возможность получать дары зависит от личного расположения окружающих.

Реципрокность нуждается в симметричной сетевой структуре, а патрон-клиентские отношения предполагают иерархию. Симметрия связывает воедино разнокачественных, но горизонтально расположенных субъектов обмена. Это могут быть родственники, соседи, друзья, коллеги, статусные и материальные различия которых не дают оснований одним диктовать волю другим. Патрон-клиентизм держится на вертикальной упорядоченности субъектов, что определяет их неравный доступ к ресурсам как основу отношений зависимости. Горизонтальное движение даров противостоит вертикальным каналам дани.

Горизонтальная сеть делает принципиально возможным ситуативный кругооборот ролей донора и реципиента. Субъекты взаимодействия поочередно оказываются донором и реципиентом друг для друга в различных ситуациях. Иерархия же жестко закрепляет роли патрона и клиента в зависимости от позиции в вертикально упорядоченной структуре. Один и тот же субъект может быть и патроном и клиентом, но для разных уровней клиентелистской сети. Чередование ролей донора и реципиента в горизонтальных сетях противостоит жесткому закреплению ролей патрона и клиента в вертикальной иерархии .

Реципрокность и патрон-клиентизм используют разного рода капиталы. Горизонтальные социальные связи, лежащие в основе реципрокности, формируют капитал социальный в виде возможности доверять окружению и использовать его поддержку. Вертикальные связи как основа патрон-клиентизма формируют капитал административный, связанный со способностью одних хозяйственных агентов регулировать доступ к ресурсам и видам деятельности других агентов. И хотя капиталы способны взаимотрансформироваться, различие между ними очевидно. Реципрокные взаимодействия демонстрируют возможности обладания социальным капиталом, а патрон-клиентизм - преимущества обладания административным капиталом.

В реальности ни реципрокности, ни патрон-клиентизма в чистом виде нет. Все выделенные нами типы отношений существуют в измененном, скорректированном виде, переплетаясь и рождая многообразны гибриды. Однако в аналитических целях обедненные конструкторы вполне работают. Идеальные представления о реципрокности и патрон-клиентизме позволяют выявить специфику коррупционного поведения и объяснить механизмы лежащие в основе инициирования, интерпретации и включения в коррупционное поведение как между акторами с симметричными так и ассиметричными статусными позициями, с учетом как экономических механизмов, социальных норм и ценностей, а также

СПИСОК ЦИТИРУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Becker G. S., Murphy K. M. A Theory of Rational Addiction // Journal of Political Economy. 1988. Vol. 96 N 4.
2. Johnston M. Political Corruption and Public Policy in America. Monterey, CA: Brooks / Cole Publishing Co, 1982.
3. Rose-Ackerman S. Corruption and Development // Annual Bank Conference on Development Economics. The World Bank. 1997. Washington, D.C.
4. Rose-Ackerman S. Corruption: A Study in Political Economy. NY: Academic Press, 1978.
5. Roy Gardiner „Coping with Asymmetries in the Commons: Self-Governing Irrigation Systems Can Work,“ Journal of Economic Perspectives 7:93-112; 1993.
6. Sik E. “Small Is Useful” or the Reciprocal Exchange of Labour // Labour Market and Second Economy in Hungary . P.Galasi, G.Sziraczki (eds.). Frankfurt/Main; New York : Campus Verlag, 1985.

7. Борзенков Г.Н., Комиссаров В.С. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. №1.
8. Быстрова А.С., Сильвестрос М.В. Феномен коррупции: некоторые исследовательские подходы // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2000. Т.111. №1.
9. Ильин В. Подарок как социальный феномен // Рубеж. 2001. № 16-17.
10. Кузнецова Н.Ф. Коррупция в системе уголовных преступлений // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. № 1.
11. Материалы семинара посвященного борьбе с коррупцией. Цахкадзор, 1999
12. Мишин Г.К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения. М., 1991. Комиссаров В.С. Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. №1.
13. Организованная преступность / Отв. ред. А.И. Долгова, С.В.Дьяков. М., 1993. Сб. 2. С. 280-285.
14. Панкратов В.В., Пристанская О.В. Уголовная ответственность за коррупцию (взгляд криминологов) // Правовые и организационные проблемы борьбы с коррупцией. М.: Академия МВД РФ, 1993
15. Полани К. Два значения термина «экономический» // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т.Шанин. М.: Логос, 1999б.
16. Полани К. О вере в экономический детерминизм // Неформальная экономика: Россия и мир / Ред. Т.Шанин. М.: Логос, 1999а.
17. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А.Васильева, С.Федорова, А.Шурбелева . СПб.: Алетейя, 2002а.
18. Поланьи К. Экономика как институционально оформленный процесс // Экономическая социология. 2002б. Т.3. № 2 / [www . ecsos . msses . ru](http://www.ecsos.msses.ru) .
19. Шабалин В.А. Политика и преступность // Государство и право. 1994. № 4.18.
20. Ծաղիկյան Ս. «Իրավաբաններն ընդեն կոռուպցիայի» ծրագրի բյուլետեն, Երևան, 2002
21. Հովսեփյան Ա. «Հայաստանը սոցիալ-փիլիսոփայական ակնարկներում» Երևան, 2003